

Инь Шоу провёл в поместье Чэнь Сяочэня ещё один день. Лишь когда солнце начало клониться к закату, они неспешно отужинали и вместе вернулись во дворец.

Разумеется, Великий Ван всем сердцем желал разделить с Чэнь Сяочэнем одно ложе, но тот отчаянно сопротивлялся. В итоге Инь Шоу пришлось уступить: младший чиновник устроился на кушетке, а сам правитель занял кровать.

Лето вступало в свои права, и двум взрослым мужчинам тесниться на одном спальном месте было бы по меньшей мере... неуместно. Инь Шоу был статен и высок, Чэнь Сяочэнь же обладал хрупким телосложением, однако внутри него таилась душа современного человека, вовсе не горевшая желанием делить постель с государем. К тому же, когда Инь Шоу хранил молчание, он всё ещё выглядел как грозный Чжоу-ван, и многовековой страх перед тираном нет-нет да и заставлял сердце Сяочэня ёкать.

Дацзи, прознав, что Инь Шоу притащил Чэнь Сяочэня во дворец, пришла в ярость.

«Он это серьёзно? Одно дело — путаться с ним за стенами дворца, но притащить сюда?! Да ещё и спать в одной комнате!»

— Говори! — Дацзи гневно посмотрела на докладывающего слугу. Казалось, она вот-вот вцепится ему в глотку. — Они действительно спят на одной постели?

— Отвечаю... отвечаю Ниннян, нет, — заикаясь, пролепетал тот. — У них разные лежа...

— Хм, сегодня разные, а завтра — кто знает! — В душе Дацзи смешались горечь, обида и ревность. Что задумал Ван? Ещё вчера он ласково гладил её по голове и был само благодущие, а сегодня уже нашёл другого! Непростительно!

Стиснув зубы, она хотела было немедленно отправиться к Инь Шоу и потребовать объяснений, но страх перед магическим артефактом на теле Чэнь Сяочэня удерживал её.

«Артефакт? — вдруг осенило её. — Неужели... Неужели Ван привёл его только для того, чтобы защититься от меня?!»

«Ну что ж! Похоже, пришло время избавиться от этой игрушки!»

***

Инь Шоу и Чэнь Сяочэнь, выспавшиеся за день, ночью решили бодрствовать. При свечах они устроились на кушетке, попивая чай и ведя неспешный разговор.

Чэнь Сяочэнь посмотрел на государя и негромко произнёс:

— Меч из соснового дерева здесь, так что лисица вряд ли посмеет сунуться. Но просто сидеть в обороне — слишком пассивно.

Инь Шоу пригубил чай и вопросительно приподнял бровь:

— И что ты предлагаешь?

Сяочэнь усмехнулся:

— Я всегда придерживался правила: не трогай меня — и я не трону тебя. Но если кто-то посмеет напасть — отплачу в десятикратном размере.

Инь Шоу почувствовал, что у его спутника созрел какой-то план.

— У тебя есть идеи?

Чэнь Сяочэнь загадочно хмыкнул, набивая себе цену. Инь Шоу лишь закатил глаза:

— Ну, не хочешь — не говори.

— Хех, в этом деле мне как раз понадобится твоё содействие как Великого Вана, — Сяочэнь понизил голос. — Давай-ка свалим всю вину на лисицу. «Коварная наложница, губящая государство» — титул, достойный того, чтобы каждый жаждал её смерти. Тогда твоя дурная репутация сама собой сойдёт на нет.

— Неужели народ так легко одурачить? — Инь Шоу с сомнением посмотрел на него. — Чжоуван натворил немало дел, а глаза у людей зоркие.

— Не забывай, где мы! Уровень образования и производства здесь ниже плитуса. Тёмными массами манипулировать проще простого, — Сяочэнь азартно блеснул глазами. — В обсерватории Сытяньтай служит Ду Юаньсянь. Мы можем через него пустить нужные слухи, раздуть их и разнести повсюду. Пусть и в столице, и за её пределами знают: это коварная наложница околдовала Вана и заставила его принимать дурные решения. И не надо на меня так смотреть! Разве это не правда? Разве она не лисица-оборотень? Разве не она туманит рассудок? Мы просто поможем истине выйти на свет.

— А если она окончательно взбесится? Мы сможем выйти сухими из воды? — спросил Инь Шоу.

— Чего бояться? У нас есть меч из соснового дерева, она и шагу к нам не сделает. Скорее мы её со свету сживём, чем она нас, — отмахнулся Сяочэнь. — В конце концов, мы — люди из будущего. В наших головах опыт нескольких тысячелетий истории. Неужели мы не справимся с одной лисой? Смех, да и только.

Инь Шоу лишь хмыкнул в ответ.

— Сделаем так, — продолжал Чэнь Сяочэнь. — Ты призовёшь Ду Юаньсяня. Он малый неглупый, наверняка и сам что-то подозревает. Мы лишь подтолкнём его, а дальше молва сделает своё дело. Мы отравим её жизнь слухами, чтобы во дворце ей места не осталось. Ван, в этот раз ты не должен проявлять малодушия. Пойми, если ты не тронешь лисицу, она всё равно погубит тебя.

— Она меня не трогала...

— Ты хотел сказать — «пока ещё не трогала»? А когда начнёт, успеешь ли ты ответить? Прежний Чжоу-ван был слишком свиреп, а ты — слишком добр. Прямо беда с тобой! Есть ведь мудрое изречение: «Твоя доброта должна иметь клыки». Нельзя быть тряпкой, дружище. Ты должен решиться, понимаешь?

Инь Шоу, не найдя слов для возражения, вздохнул:

— Понимаю.

На следующий день Инь Шоу призвал Ду Юаньсяня — молодого чиновника астрономического ведомства, страстно увлечённого астрономией и одного из тех красавцев, которых Ван заметил в своём окружении.

Во время аудиенции Чэнь Сяочэнь тоже присутствовал. Умело направляя разговор, Инь Шоу вынудил Ду Юаньсяня высказать несколько опасений касательно Дацзи.

Вскоре из дворца поползли слухи: поговаривали, что «злой дух вносит смуту в личные покои, и государство стоит на краю гибели». Среди чиновников нашлись люди с острым чутьём, уловившие перемену ветра. Учтывая, что Дацзи в последнее время явно утратила милость государя, а Чэнь Сяочэнь стал новым фаворитом, подозрения лишь крепли. Большинство по привычке встало на сторону сильного. Вскоре посыпались прошения с требованиями наказать Дацзи, дабы утихомирить народное недовольство.

Жители столицы мигом подхватили новость о «коварной наложнице». Весь гнев за прошлые несправедливости вспыхнул с новой силой. Когда прошёл слух, что Дацзи — оборотень-лиса, люди, не имея возможности добраться до неё самой, обрушили ярость на обычных лисиц. Начались беспорядки: горожане ради забавы забивали животных камнями. Стали устраивать целые «собрания по истреблению демонов», где несчастных лисиц заживо свеживали, вырывали им жилы и сжигали на кострах. Зрелище было кровавым и жутким.

Дело принимало серьёзный оборот, ситуация грозила выйти из-под контроля. Инь Шоу и Чэнь Сяочэнь впервые воочию увидели, на что способна разгорячённая толпа.

Великий Ван начал втайне сожалеть, что зашёл так далеко. Чэнь Сяочэнь тоже был впечатлён размахом, но в глубине души ни о чём не жалел.

«Пусть бесятся. Чем сильнее шум, тем быстрее Дацзи придёт конец».

***

— Ниннян! — Лисы во дворце Дацзи больше не могли сидеть сложа руки. — Слухи множатся! Говорят, вы — оборотень! В городе истребляют наш род, множество наших братьев и сестёр погибло лютой смертью! Молим вас, заступитесь за нас!

— Не смей паниковать! — Дацзи посмотрела на них ледяным взглядом, и лисы мгновенно умолкли.

Не успела она решить, что делать, как вбежал слуга с докладом:

— Ниннян, Великий Ван прибыл!

— Ван здесь? — Дацзи вскочила с кушетки. — Он один?

— С ним господин Чэнь...

— Остановить их! Скажите, что мне нездоровится и я не могу принимать гостей! — скомандовала Дацзи и поспешила к постели.

Лисы, завидев Чэнь Сяочэня и зная, что артефакт при нём, брызнули в разные стороны, словно испуганные птицы. Во Дворце Дацзи воцарилась гробовая тишина.

Инь Шоу вместе с Чэнь Сяочэнем подошли к дверям, но путь им преградил слуга:

— Приветствую Вана. Ниннян нездоровится, сегодня она не сможет принять господина.

— Вот как? — Инь Шоу заглянул ему за спину. — Болезнь обострилась? Позволь, я взгляну.

— Великий Ван! — Слуга буквально загородил собой проход. — Болезнь Ниннян может быть заразной. Она печётся о вашей здравии, потому и велела не пускать никого. Прошу, пощадите! — Слуга пал ниц, всем видом показывая, что скорее позволит раздавить себя, чем пропустит их внутрь.

Инь Шоу переглянулся с Чэнь Сяочэнем. Тот лишь холодно усмехнулся и, сохраняя спокойствие, произнёс:

— Раз уж Ван так беспокоится, позвольте мне, вашему подданному, взглянуть на неё от вашего имени.

— Это... это невозможно! — запричитал слуга. — Ниннян в постели, негоже ей видеть посторонних мужчин. К тому же она — супруга Вана, как может чужой человек входить к ней? Прошу господина соблюдать приличия!

— А ты, малый, остёр на язык, — с издёвкой заметил Сяочэнь. — Глядя на тебя, можно подумать, что ты здесь решаешь за Вана и его наложницу.

— Ох, помилуйте, господин! Ваши слова убивают меня! У меня всего одна голова на плечах! Проявите великодушие к жалкому слуге!

Инь Шоу лишь коротко и выразительно хмыкнул. Услышав это, слуга задрожал и распластался у ног правителя, не переставая молить о прощении.

Инь Шоу снова обменялся взглядом с Сяочэнем и, изобразив благосклонность, произнёс:

— Раз уж Ниннян больна, пусть выздоравливает в покое.

— Благодарю за милость, Великий Ван! — поспешно отозвался слуга.

— Идём, — бросил Инь Шоу Сяочэню.

Тот кивнул, напоследок окинув взглядом Дворец Дацзи. «Какая подозрительная тишина».

То, что им не удалось увидеть Дацзи, было ожидаемо. С мечом из соснового дерева за поясом было бы странно, если бы она захотела их принять.

Когда шаги гостей затихли вдали, слуга наконец поднялся и вытер холодный пот со лба. Он промок до нитки от страха. Осторожно коснувшись своей шеи, он убедился, что голова на месте, и подошёл к дверям Дацзи.

— Ниннян, Ван ушёл.

Дацзи, услышав это, поднялась с кровати. Её мысли лихорадочно работали. Она не успела первой нанести удар по Чэнь Сяочэню, и теперь получила сокрушительный ответ.

Она понимала: слухи — дело рук Вана. Он решил избавиться от неё, и изгнание в Холодный дворец теперь лишь вопрос времени. На расправу с Сяочэнем сил не оставалось — нужно было срочно гасить пожар сплетен и менять ситуацию, пока её не принесли в жертву разъярённой

толпе.

«Хм. Глупцы. Как раз вовремя...»

«Я проголодалась».

<http://bllate.org/book/17393/1658300>